Так-то жизнь у меня была неплохая, грех жаловаться — все не хуже, чем у других. Нас у матери четверо было сначала. Еще когда слепыми котятами за сосцы толкались, я уже тогда понял, что в этом мире нужно только на себя рассчитывать, на свой клык, на свой коготь, на злобу свою и ярость, поэтому голодным никогда не был, лез по братским головам, толкался лапами. А уж если ухватил ртом сиську мамкину, до последней капли молоко тянул, еще и из соседней прихватывал, коли была возможность. И после, когда глаза приоткрыл и озирался из щели в сарае на двор, дорогу, гусей, коров, собак и прочую деревенскую соседственность, утвердился в правильности своей позиции — нос всегда должен быть по ветру. Чуть чем запахло — не ленись, беги, поторапливайся, головой крути во все стороны, смотри: если что покушать окажется, всегда к лучшему куску в первых будешь; а если опасность какая, опять же, убежишь первым, пусть треплют тех, кто сзади.

Вот у нас Рыжего не стало. Первого задавили. Он вообще слабый был, мелкий, тихий. Все время последним подходил, если что интересное. И в игре мы его больше всех валяли, раз силы нет. А он хоть и прыгал, но больше обозначался: ни разу никого ни за ухо, ни за шею не поймал — ткнется и через мгновение уже пищит из-под брата, да и от сестренки ему тоже перепадало.

Мать наша Муська старая совсем, лет десять, наверное, а то и больше. Но охотница она до сих пор хорошая, и кавалеры вокруг появляются, то один, то другой. Бывает, что и сразу несколько приходили: стояли, вопили истошно страшными голосами, длинно так, а сами шерсть дыбят, глаза мутные… и как бросятся, только подшерсток с боков и живота в разные стороны, да пыль с сухой травой вперемешку. Я с чердака, хоть и трясло всего, осторожно на эти драки смотрел. Когда их много приходит — это еще ничего, они больше между собой разбираются, кто главнее. Хуже, когда один, а мамки на месте нет, заступиться некому. Две луны нам на тот момент исполнилось. Мама как вечером проснулась, так сразу и ушла, до утра почти на охоте пропадала.

Заметил я, что сквозь щель в ограде просунулась голова здоровенная — чужой кот: усы топорщит, принюхивается, а сам глазами шарит — мать нашу ищет. Не стал я его разглядывать, сразу по чердаку в дальний угол побежал, туда, где доски свалены, под них забился. Серый и сестренка за мной, а Рыжий полез чужака разглядывать. Только что и успел коротко пискнуть, когда матерый кот навалился на него и передавил шею. Помню, сидели мы настороженной кучкой и шевельнуться боялись: убил бы он нас, если бы нашел.

Потом, через пару дней, Серый почти так же погиб. Во дворе мы играли, внизу. Вдруг снова этот Матерый сунулся. Как раз недалеко от нас голова показалась. Я с сестрой сразу ходу и на чердак в щель, а Серый на мать понадеялся, что она недалеко, стал боком, голову наклонил, спину выгнул. Да только разве может недоросток против опытного котяры устоять. Пока мать, распушившись, чтобы казаться больше, мчалась на помощь, чужак одним ударом опрокинул брата и коротким движением переломил ему хребет.

А потом и вовсе мы с сестрой вдвоем остались. Мать опять толстеть стала и уже начала иногда ругаться на нас, мол, сами взрослые и на прокорм с ее стороны рассчитывать не

нужно. Удивительно это: вроде только что лизала — и тут же урчит недовольно. Нет, она хорошая, ласковая, и понять ее можно — неповоротливая стала, самой бы прокормиться, вот и гонит. Но страшно уходить. Куда? Хотя мы уже взрослее стали, на охоту с матерью ходили, издали смотрели, как она ловко мышей бьет. А потом и сами этих мышей по двору гоняли, сначала, правда, пара убежала, но потом ни одной не отпустили. Мама смотрела, щурилась и довольно муркала, тихо так, но для нас с сестренкой — лучшая похвала.

Беда случилась, когда человек, сын старого хозяина, с телегой во дворе возился. Да, совсем забыл. Там же люди жили. Старая хозяйка — добрая, все время нас гладила и молоком угощала. От нее вкусно пахло, и руки теплые такие. Еще был сын ее. Молодой, веселый, дразнился все время и прутиком по земле шебуршил, вроде как мышка бежит. Интересное занятие: мы с сестрой за кончиком прутка гонялись, прыгали, а парень смеялся. А еще он любил нас на колени брать и начинал живот щекотать и пальцем по горлу. Тоже дело хорошее. Сестра, та сразу урчать начинала и засыпала, а я обхвачу его руку и начинаю покусывать. Он пальцы отдернет и опять за живот, а я снова когтями. Не по-настоящему, конечно, что же, я не понимаю, что ли, но иногда до крови доходило, когда чуть сильнее дерну. Но я же не со зла, а в игре чего не бывает. Парень не все время в доме жил, иногда только заходил и то ненадолго: или привозил что-то или, наоборот, увозил. И еще жил в доме старый хозяин, самый главный. Вот старый был не очень добрый и часто ругался. Наверное, потому, что у него была палка, на которую он опирался, когда хромал по двору или по огороду, из-за того, что нога болела.

Вот эта палка всему и виной. Старый с сыном как-то стали мешки укладывать на телегу. Мы рядом крутились — интересно. И мама тоже рядом на траве лежала, она уже с большим животом была и спала много. Старик палку свою поставил чуть в сторону, чтобы не мешала, а она возьми и упади, совсем рядом с нашей мамой. А она с полусна не поняла, что случилось, — и под телегу, точно под колесо. Так ее и придавило поперек живота: лошадь ведь телегу дернула — тоже палки упавшей испугалась. Мать только зашипела, будто воздух из нее вышел, и осталась лежать с открытыми глазами.

Так мы и остались с сестрой вдвоем. Маму жалко, конечно, но мы-то уже почти взрослые, все равно должны были жить самостоятельно. Работы хватало. И мышей ловили, и птиц по деревьям гоняли, и просто на заборе сидели, посматривая сверху по сторонам. В дом нас пускала только хозяйка — когда старик не видел. А чаще на крыльцо блюдце ставила, особенно, когда мышей ей выложишь после охоты. Тут она и слова ласковые говорит, и гладит по голове и спине, как мама языком, но более тяжелым и широким. А старик никогда с нами не говорил, и не любил, когда у него на пути попадались, палкой отталкивал и бурчал недовольно.

Так мы прожили целый год. Зимой, конечно, не так весело, но тоже ничего, находились занятия: и просто по снежку попрыгаешь, и к корове зайдешь, и с хозяйкой в курятник, и в дом пускали погреться. Оно и понятно — мыши к зиме в доме шалить больше стали. А по весне сестренка подгуляла и, когда уже листики появились, родила пару розовых комочков. Но по молодости не сообразила, что с ними делать, и задавила от неумения моих племянников почти сразу же, в первый же час их жизни. Что ж, потом опыта наберется, все у нее получится.

Ближе ко второй зиме я наказал чужака, который Рыжего и Серого порешил, сошлись мы на узкой тропе. Он уже старый, неловкий, а я… Да что там. Он еле уполз весь в крови. Глаз я ему выдрал, ухо оторвал, а найду его потомство — всех передавлю. И кошка моя будет. Но это потом.

И вот иду я гордый домой, а сам чую запах — просто умопомрачительный. Зашел во двор, а сын хозяйский выгружает копчености: и колбасы, и окорок, и под крышками что-то. Я к нему, потереться об ноги, выказать хорошее отношение; опять же, после победы распирало меня, нужно было, чтобы потискали, погладили, чтобы стресс снять. А старый все по-своему понял, оттолкнул палкой:

— Ишь, поганец, — говорит, — колбасу, не иначе, украсть хочет.

Нет, не люблю я старого хозяина. Никогда не похвалит. С чего он решил, что я что-то украсть хочу? Вроде не был за этим замечен. От обиды ушел я на чердак и до ночи там пролежал. А запах по всему дому, и по двору, и до чердака. Сплю и вижу: окорок, розовый, душистый… Ну и, конечно, не выдержали нервы, тем более что целый день не ел. Запах привел к кладовке, а

уж сообразить, как туда зайти, — это не вопрос, все щелки еще котенком изучил. А в кладовке такие ароматы, даже в голове помутилось. Однако хозяева опасались, что кто-то позарится на колбаску с окороком, и все это богатство подвесили под притолоку на веревке, подальше от полок и на высоте. Мышей, что ли, опасаются? Но я-то на что? И сестра не промах, ловит еще получше меня. Хотя, если немного откусить… кусок вон какой огромный…

— Ах ты чертяка! — заругался дед Митя, когда посреди ночи решил проверить запасы, все равно бессонница, и увидел, что кот (по-другому он его и не называл) висит, вцепившись в окорок когтями, и зубами старается отхватить кусок. И как только сумел запрыгнуть?

Не тратя времени на ругань, дед махнул костылем и сбил кота, попав ему точно поперек спины. Кот взмякнул, упал на пол, крутнулся на месте и странными кувырками скрылся среди ящиков под стеллажом.

А старик еще некоторое время старался ударить воришку, сучил своим костылем. Тыкал в разные углы вслепую и пару раз попал во что-то мягкое. Кот голоса не подавал и не шевелился, но и на глаза не показывался.

— Тьфу, зараза! — ругнулся дед напоследок, но ушел довольный, что смог защитить деликатес. А если и убил кота… Ну что ж, воровать не будет.

До чего же больно. Ничего не вижу, все в тумане кровавом. И лап задних будто нет. Как я его ненавижу, старого хозяина. За что он меня так? Мог бы просто ругнуть, а он палкой. Откуда только появился? Хорошо, что не смог за ящиками меня найти, в тряпку какую-то тыкал, возле самого носа. Немного бы еще — и все. Да оно, кажется, и так не жилец я уже: не то что ходить или бегать, лежать больно. Плывет все, качается и темнеет…

Сколько я проспал? Как есть-то хочется и пить еще больше. Похудел я очень, слабый, и левая нога тянется, как не моя. Хорошо, хоть передние лапы работают: выбираться нужно и поесть чего-нибудь.

Сестренка все же у меня хорошая. Нашла меня и принесла мышь, сам я, похоже, не ловец теперь. Обычно я их не ем, но нечего сейчас привередничать. Она ведь от всей души: положила прямо под нос, села в стороне и смотрит жалостливо и чуть удивленно — не привыкла, что брат слабее ее. Ничего, справлюсь. Старому хозяину нужно только пока не попадаться на глаза, а лучше совсем уйти, но это потом, когда поправлюсь.

Долго я прятался, а потом все же вышел. Хозяйка увидела, что я хромой, заохала. Начала гладить, лапу трогать. А что ее. Не в лапе дело, в спину как щепку какую засунули, мне даже поворачиваться больно и вылизываться не могу как раньше. Присесть по надобности и то приходится странные позы принимать.

Старого хозяина я тоже видел издалека. И он меня заметил:

— Ишь, — говорит, — живучий какой. Не зря девять жизней.

И палкой своей грозил, смотри, мол, еще раз попадешься — точно убью. Не пойму, про что он? По двору теперь, что ли, не ходить, или в дом нельзя? Ненавижу.

А однажды, уже снег таять начал, заболел старик. Сначала покашливал. Потом стал кашлять нехорошо, с надрывом, будто хотел что-то из себя выдавить, но не мог. А через день и вовсе ходить перестал — все больше лежал. Хозяйка его и натирала чем-то пахучим, резким таким, нос даже издали щипало, и в рот раствор капала, и ноги парила. А дед все слабее и слабее, ни на кого не реагирует, есть не хочет, горит весь. Его и к печи положили, чтобы прогревала, а он рубаху на груди тянет и дышит все тише. Ну вот, думаю, когда я ему отомщу. Забрался я на печь, лежу, жду момента. И такая у меня на него злоба, аж рычать стал. Долго ждать не пришлось, чую, вот сейчас нужно. И прыгнул ему на грудь, когтями впился, и судорогой меня свело. А старик вскрикнул — и все. Темнота!

Кота так и не смогли отцепить от тела деда Мити. Некоторое время, пока соображали, оскалившийся зверь остекленевшими глазами бешено смотрел в лицо мертвого хозяина. Даже мертвым его ненавидел. Пришлось обрезать когти. Так и похоронили, с кошачьими когтями под кожей.